

Двое мужчин сидели в тёмном кафе. Чэн Фэнтай заказал для Шан Сижую шоколадное пирожное и блины с джемом, себе же — только чашку кофе. Шан Сижуй жадно зачерпывал крем — его аппетит воистину поражал воображение. Чэн Фэнтай наблюдал за ним, покуривая сигарету.

— Почему второй господин в тот день ушёл? — облизывая ложку, спросил Шан Сижуй — Я тебя искал. — Когда он поднял на Чэн Фэнтая взгляд, отточенный многолетней игрой на сцене, его глаза сверкнули в сумраке кафе, обретя неизведанное прежде очарование. — Покидая «Дворец вечной жизни», вы чувствовали удовлетворение?

Раз уж Шан Сижуй сам затронул «Дворец вечной жизни», Чэн Фэнтаю было что сказать на это — он наконец смог в полной мере излить все те чувства, что он сдерживал вот уже несколько дней, так что пустился в рассуждения о том, насколько волнующей и превосходной была пьеса. Его дар красноречия и полученное в Англии образование в сфере театрального искусства не прошли даром — он разливался соловьём необычайно долго. Шан Сижуй был приятно удивлён и необычайно тронут. Поаплодировав Чэн Фэнтаю, он со вздохом сказал:

— Мне тоже очень нравится эта часть... Да, только второй господин и обратил внимание на текст.

В сердце Шан Сижую долгое время царило холодное запустение. Казалось, играя, он проживал многие тысячи лет, однако в действительности он был весьма поверхностным молодым человеком, который страстно жаждал восхищения толпы, славы и признания. От прочувствованного отзыва такого зрителя, как Чэн Фэнтай, каждое слово которого попадало прямо в сердце, у Шан Сижую голова пошла кругом.

Он с улыбкой отхлебнул кофе — и язык тут же онемел от горечи. Тогда Шан Сижуй добавил два кусочка сахара, но даже размешав его, не осмеливался пригубить вновь. Он всей душой внимал словам Чэн Фэнтая. С виду тот казался обычным прожигателем жизни, однако, когда он был по-настоящему чем-то увлечён, то полностью преображался, превращаясь в красноречивого романтика. Он курил и хмурил брови, а в глубине его глаз плескалась неизъяснимая тоска — он казался бродячим певцом, загадочным и непостижимым.

Шан Сижуй никогда бы не подумал, что такой современный господин может дать его пьесе столь высокую оценку, да к тому же с подобной глубиной. Впрочем, это уже едва ли можно было счесть обычным изумлением — скорее уж подлинным чудом.

— Я всегда думал, что, как бы хорошо ни играли актёры, они и герои пьес — всё-таки не одно и то же. Лишь после того, как я встретил тебя, я понял, что человек может быть единым целым с героем пьесы.

— Это потому, что я играю всей душой, — ответил Шан Сижуй.

Чэн Фэнтай курил сигарету, смакуя его слова, и размышлял о том, как личность Шан Сижую наслаивается на героев его пьес, переплетаясь с ними. Шан Сижуй говорил: «Я бы умер за

свою шицзе!» — а потом Ян-гуйфэй повесилась на склоне Мавэй. Ян-гуйфэй была любима превыше всех [1] и жила в неопикуемой роскоши — и всё же в конце концов её возлюбленный не смог спасти её и оставил одну, пожелав, чтобы она пожертвовала собой. Шан Сижуй обладал великолепным артистическим голосом, будучи настоящим светочем «грушевого сада», и жил, греясь в лучах славы — однако любимая отвергла его, бросив в горьком одиночестве [2] среди бурных вод суетного мира. Выходит, что Шан Сижуй и Ян-гуйфэй в самом деле были похожи.

[1] Любима превыше всех — в оригинале 三千宠爱在一身 (sānqiān chǒng'ài zài yīshēn) — в пер. с кит. «любовь к трём тысячам в одном теле» — образно о том, что из трёх тысяч красавиц гарема император любил и баловал лишь одну.

[2] Горькое одиночество — в оригинале 形影相吊 (xíngyǐng xiāngdiào) — в пер. с кит. «тело и тень жалеют друг друга», обр. в знач. «в полном одиночестве», «один как перст».

При этой мысли Чэн Фэнтай ощутил, как его охватывает жар и дрожь — он уже не мог спокойно усидеть на месте. Его устремлённый на Шан Сижую взгляд был исполнен пронзительной страсти — в точности как той ночью на горе Сяншань, но теперь в нём было больше нежности.

Перевалило за час ночи, за окном простиралась безбрежная пелена снега и тумана. В кафе оставались лишь эти двое да парочка влюблённых иностранцев, что шептались, склоняясь друг к другу. Мальчик-слуга украдкой зевнул — его глаза так и слипались. Шан Сижуй погрузился в молчание вслед за Чэн Фэнтаем. Только что, расчувствовавшись, они столько друг другу наговорили, что теперь им нужно было время, чтобы переварить всё это. Однако происходящее уже не имело отношения к театру: Чэн Фэнтай принял решение, и Шан Сижуй, словно почувствовав это, пребывал в предвкушении. Один был готов к действию, другой ожидал его следующего шага. Под поверхностью этого безмолвия крылось пробуждающееся напряжение, под воздействием которого мирно текущее время ощущалось, будто «пустой звук» в начале проигрывающейся пластинки, исполненный предчувствием грядущей яркой ноты.

Наконец Чэн Фэнтай торжественно произнёс:

— Шан Сижуй...

— Да, второй господин? — тут же отозвался тот.

Однако Чэн Фэнтай не торопился с ответом. Он затушил сигарету, поставил локоть на стол и глубоким голосом сказал:

— Я останусь с тобой, сколько пожелаешь.

Шан Сижуй не был уверен, что правильно понял смысл его слов. Помедлив, он пробормотал:

— Второй господин... это...

— Я знаю, что ты не испытываешь недостатка в компании, — пояснил Чэн Фэнтай. — Однако я отличаюсь от них всех.

Сердце Шан Сижую застучало как барабан.

— Второй господин и правда не такой, как все. Но почему... почему вы внезапно...

Нежный взгляд Чэн Фэнтая искрился соблазном:

— Если ты — Ян-гуйфэй, то у тебя должен быть свой Тан Мин-хуан; если ты — Юй Цзи, то рядом с тобой должен быть Чу-баван [3]! А сейчас ты одинок, из этого не выйдет пьесы.

[3] Тан Мин-хуан 唐明皇 (Táng Míng-huáng) (685-762) — более известен под храмовым именем Тан Сюаньцзун, личное имя — Ли Лунцзи. Правил империей Тан с 712 по 756 гг. При нём столицу перенесли в Чанъань. Стремился к установлению спокойствия в стране, в связи с чем было проведено множество социальных реформ и заключены мирные договоры с соседями. Однако в конце его правления начались вторжения с запада и севера, и в конце концов Тан Мин-хуан был изгнан из столицы в результате мятежа Ань Лушаня, после чего власть перешла к его сыну.

Чу-баван 苻王 (Chǔ-bàwáng) — Сян Юй, правитель восточного Чу. Подробнее см. в примечании 21 к главе 1.

Шан Сижуй устремил неподвижный взгляд на Чэн Фэнтая:

— Второй господин правда... хочет стать моей сценой?

— Да! — с улыбкой ответил Чэн Фэнтай. — Ты можешь выступать на моей ладони! — Едва он сказал это, как глаза Шан Сижую наполнились слезами — так его тронули слова Чэн Фэнтая.

— Я боюсь, что тогда мне за всю жизнь не выскочить из ладони [4] второго господина.

[4] Выскочить из ладони — в оригинале 跳出手掌 (tiàochū Wǔzhshān le) — в пер. с кит. «выпрыгнуть из горы Учжишань», букв. «гора пяти пальцев». По всей видимости, отсылка к эпизоду из романа У Чэнъэня «Путешествие на Запад», где Сунь Укун поспорил с Буддой, что сумеет покинуть его ладонь; пролетев большое расстояние, он пометил скалу, до которой долетел, после чего вернулся, решив, что выиграл, однако Будда продемонстрировал ему, что та гора была лишь его пальцем.

Их чувства зародились из драмы, и этот будто бы любовный разговор тоже походил на текст

пьесы. Поначалу Чэн Фэнтай беспокоился, не стало ли его признание слишком внезапным, но когда он увидел слёзы в глазах Шан Сижую, то понял, что тот очень долго ждал человека, подобного ему.

Шан Сижуй склонил голову, и по его щекам скатилась пара слезинок. Чэн Фэнтай подошёл к нему, поднял с сидения, обнял и похлопал по спине.

Молодой человек шмыгнул носом и ответил:

— Второй господин, можно, я над этим подумаю? — Он в самом деле не знал, сможет ли полюбить кого-то от всего сердца после Цзян Мэнпин. Она так глубоко его ранила, что, казалось, вытянула все его душевные силы.

— Хорошо. Подумай над этим. Я подожду, — с тихим смехом ответил Чэн Фэнтай. — Дождусь, когда смогу следовать за Шан-лаобанем.

Когда Шан Сижуй уже готов был разрыдаться от переполняющих его чувств, Чэн Фэнтай отвёз его домой. Всю дорогу он держал его за руку, пока не шепнул, что они приехали. Шан Сижуй кивнул и неохотно вышел из машины. Чэн Фэнтай проследил за тем, как он зашёл в ворота, прежде чем велеть Лао Гэ двинуться с места. Видя, что эти двое вымотались в мгновение ока, Лао Гэ тотчас всё понял, и специально поехал медленно, чтобы Чэн Фэнтай мог вволю поностальгировать.

***

Когда Сяо Лай отперла ворота и увидела тень на заднем сидении машины, она невольно нахмурилась. А уж когда она заметила, что глаза Шан Сижую влажны, кончик носа покраснел, а на губах блуждает что-то вроде пьяной улыбки, то и вовсе оторопела. Вот уже четыре года она не видела у него столь живого выражения лица. То, что случилось в Пинъяне, оказало на Шан Сижую столь глубокое воздействие, что он, от природы живой и бойкий, сделался вялым и будто бы от всего уставшим; он даже говорил меньше обычного, стал безразличен к людям. Хоть порой на его губах появлялась улыбка, души она не достигала. Радость ли, гнев ли — всё оставалось лишь на поверхности, в сердце же царило неизменное ледяное спокойствие. Казалось, часть Шан Сижую умерла в Пинъяне. Однако сегодня его лицо против всех ожиданий озаряла идущая от самого сердца, искренняя и светлая улыбка — и это ещё сильнее напугало Сяо Лай.

Но Шан Сижуй не обратил на это внимания: пройдя мимо Сяо Лай, он свернул налево, принявшись снимать шарф. Он уже размотал его наполовину, когда его пальцы внезапно замерли: он сообразил, что шарф на него только что надел второй господин, и ещё сильнее расплылся в улыбке. Перехватив шарф на манер струящегося рукава, он взмахнул им и, набрав воздуха в лёгкие, что было сил запел:

— Ах! Супруга! Подожди немного, твой император прогуляется с тобой!!!

Хоть Шан Сижуй и пел в амплу дань, его голос, будто отлитый из золота и серебра, не уступал амплу шэн.

Пронзив все тридцать три неба, он сотряс алхимическую печь, в которой Лао-цзы [5] готовил пилюлю бессмертия. Стояла глубокая ночь, и от звуков его пения «на востоке заплакали дети, на западе залаяли собаки», перебудив всех на два ли [6] в округе, а с крыш попадал снег. Даже те, что не были знатоками оперы, повскакивали с постелей среди ночи и через несколько дворов принялись превозносить Шан Сижую:

— Ай да Шан-лаобань! Браво!!!

Шан Сижуй, подняв руки к небу, сложил их в знак благодарности своей публике.

Глядя на него, Сяо Лай подумала, что, видимо, он опять спятил.

[5] Лао-цзы — в оригинале 太上老君 (tàishàng lǎojūn) — Тайшань Лао-цзюнь, Верховный достопочтенный владыка Лао — образ Лао-цзы в даосском пантеоне.

[6] Два ли — около километра.

***

Шан Сижуй был так счастлив, что ему недосуг было размышлять над этим; а вот Чэн Фэнтая, напротив, по дороге домой охватило беспокойство. Он ведь прекрасно знал, что на горе живёт тигр, и всё равно полез туда [7]; такой человек, как Шан Сижуй, который то и дело сходит с ума, может вцепиться в него мёртвой хваткой — и как только его угораздило с ним связаться?

[7] Он ведь прекрасно знал, что на горе живёт тигр, и всё равно полез туда 明知山有虎，偏向虎山行 (míngzhī shān yǒu hǔ, piān xiàng hǔ shān xíng) — «знать что на горе тигр, но все равно идти в ту сторону», китайская поговорка, обр. в знач. «не бояться трудностей», «рискнуть».

В Бэйпине — и даже во всём Китае были сотни и тысячи актёров, которых он мог бы заполучить, но именно Шан Сижую добиваться не следовало. Разумеется, можно было раскошелиться, чтобы сблизиться с ним, вот только ни в коем случае нельзя было поддаваться чувствам. В этом мире все состоятельные люди — будь то чиновники или крупные коммерсанты, актёры и знаменитые куртизанки, и даже добропорядочные замужние дамы и юные барышни на выданье — все они, прикрываясь богатством и властью, предавались безумствам; оставив нравственные устои простым людям, они почитали их за не стоящую упоминания нелепость. С виду они были образцами чести и достоинства, но если заглянуть под эту изящную оболочку, то глазам открылась бы сплошная грязь да гниль. Однако эта беспорядочная жизнь представляет собой способ не выходить за рамки стремления к богатству и власти, погони за чувственными наслаждениями и славой — этих четырёх основополагающих страстей. Пока ты держишься в этих рамках, можно считать, что ты не переступил черту —

хаосу есть предел, и в нём даже можно усмотреть некоторую систему. Однако если выйти за рамки этих четырёх страстей, как в случае Чэн Фэнтая: по отношению к Шан Сижую он не вынашивал никаких намерений, связанных с деньгами, положением и вообще чем-либо материальным, лишь лелеял чувства глубоко в своём сердце, — то ваше будущее станет неопределённым, а удача и неудача — непредсказуемыми.

Чэн Фэнтай раздумывал о старшей сестре и её муже, о своей жене и младшем шурине, а также о двоюродном брате с невесткой, с которыми он недавно познакомился: похоже, всех его родных и близких связывали с Шан Сижую запутанные отношения, исполненные как непримиримой вражды, так и привязанности [8]. Если в один прекрасный день всё тайное станет явным [9], то всех их ждут большие неприятности.

Чэн Фэнтай закинул ногу на ногу и закурил. От Северного переулка Логу до Южного машина добралась в мгновение ока, так что он не успел сделать и двух затяжек, когда Лао Гэ открыл перед ним дверь.

Второй господин вышел из машины и, бросив на землю недокуренную сигарету, раздавил её носком ботинка. Так или иначе, сейчас ему настолько нравился этот актёр, что он не находил себе места [10]. Он должен был непременно заполучить его, а уж после будь что будет.

[8] Запутанные отношения, исполненные как непримиримой вражды, так и расположения — в оригинале два чэньюя:

千丝万缕 (qiānsī wànlǚ) — в пер. с кит. «тысячи шелковинок и десятки тысяч нитей», обр. в знач. «многочисленные незримые узы, тесная связь».

恩怨 (ēnyuàn qíngchóu) — в пер. с кит. «милость и вражда», «любовь и ненависть», «симпатия и антипатия».

[9] Всё тайное станет явным — в оригинале чэньюй 东窗事发 (dōng chuāng shì fā) — в пер. с кит. «дело, задуманное у восточного окна, обнаружилось», обр. в знач. «тайное злодеяние стало явным, злое дело обнаружилось, история вышла наружу».

Происходит из сюжета произведения Лю Ицина «Дело Цяньтан. Дело, задуманное у восточного окна». Согласно сюжету, Цинь Гуй, сановник династии Тан, у восточного окна своего дома замыслил убийство национального героя Юэ Фэя (1103-1141), который возглавил оборону страны от вторжения чжурчжэней. Жена Цинь Гуя, госпожа Ван, укрепила его решимость словами: «Отпустить тигра просто, сложно снова его поймать». После этого, когда Цинь Гуй переплывал озеро Сиху, его лодка прохудилась, тогда он увидел человека с распущенными волосами, который сурово сказал ему: «Ты стал тем, кто нанёс ущерб своей родине и её народу, то я подал прошение небу, и император его утвердил», после чего Цинь Гуй погиб. Вскоре после этого казнили и его сына Си. Тогда госпожа Ван, задумавшись о смерти, приготовила вино и обратилась к алхимику, чтобы узнать о судьбе своего мужа в загробном мире. Увидев сына Цинь Гуя, заточённого в кандалы, алхимик спросил, где его отец. Тот ответил: «Батюшка в Фэнду (столица загробного мира)». Алхимик заметил, что Цинь Гуй, как и Моци Се, закован в железные колодки, и тогда тот воскликнул: «Могу я удручить вас просьбой передать моей жене, что дело, задуманное у восточного окна, раскрылось!»

[10] Не находил себе места 寝食不安 (qǐn shí nán ān) — в пер. с кит. «не спит и не ест от беспокойства», обр. в знач. также «охвачен тревогой».п

<http://bllate.org/book/17750/1660370>